Acta Linguistica Petropolitana. 2021. Vol. 17.3. P. 287–323
DOI 10.30842/alp23065737173287323

Использование глагольных форм для структурирования нарратива и маркирования текстов различных жанров в диалектах хантыйского

А. Ю. Урманчиева

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
urmanna@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются нарративные стратегии самого восточного, ваховского диалекта хантыйского языка в сопоставлении с нарративными стратегиями других хантыйских диалектов.

Под дискурсивными функциями глагольных форм в нарративе понимается такое использование аспектуальных, темпоральных или эвиденциальных форм, которое предопределяется не их грамматической семантикой, а необходимостью маркировать определенное положение того или иного текстового фрагмента в общей структуре нарратива. Для целей настоящего исследования важны следующие дискурсивные функции:

— секвентная: в хронологической последовательности описываются следующие друг за другом ситуации, относящиеся к основной линии повествования;

— интродуктивная функция: как правило, в тексте особым образом маркируются глагольные формы в начальном, вводном фрагменте, где вводятся основные персонажи, приводятся их «анкетные данные», также может излагаться краткая предыстория.

Однако у глагольных форм в нарративе может быть и другая функция, а именно — противопоставление текстов разных жанров (в фольклорных и персональных нарративах используются разные глагольные формы).

Хорошим примером языков, где глагольные формы используются, с одной стороны, для структурирования нарратива, с другой стороны, для противопоставления текстов разных жанров, являются самодийские языки. В них достаточно четко выделяется интродуктивный фрагмент и представлено бинарное разделение на фольклорные и персональные нарративы. При этом для обско-угорских языков, в том числе для основного массива хантыйских диалектов,

© А. Ю. Урманчиева, 2021

такое использование глагольных форм не характерно. Это показало рассмотрение текстов на обдорском диалекте (представляющем северную диалектную общность) и сургутском диалекте (представляющем западную часть восточной диалектной зоны). На этом фоне выделяются говоры ваховского диалекта, в которых глагольные формы используются как для структурирования нарратива (особое маркирование интродуктивного фрагмента), так и для типологически редкого противопоставления трех жанров: исторического предания, сказки и персонального нарратива. Такое троичное противопоставление маркируется также в самом северном, среднетазовском диалекте селькупского. Примечательно, что это троичное противопоставление было зафиксировано именно в материалах из с. Корлики: они представляют ту часть ваховского диалектного ареала, которая ближе всего расположена к территориям, освоенным северными селькупами (пути миграций которых на север пролегали в том числе и через бассейн Ваха).

Ключевые слова: восточный хантыйский, нарратив, дискурс.

Благодарности. Исследование поддержано грантом РФФИ 17-04-00570-ОГН «Нарративные стратегии в селькупских и хантыйских диалектах».

Verbal forms as means for structuring narratives and text genre marking in Khanty dialects

A. Yu. Urmanchieva

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); urmanna@yandex.ru

Abstract. The article compares the narrative strategies of the easternmost Vakh dialect of the Khanty language against those in other Khanty dialects. The use of temporal, modal, aspectual and evidential verbal forms in a given text is known to be motivated by not only their grammatical meaning in the strict sense, but also by a set of specific discoursive functions they have developed.

On the one hand, such verbal forms can have certain impact on the narrative discourse structure. Important for the purposes of this study is the opposition between the main storyline and the introduction, as many languages use special verbal forms in the initial fragment of a story which introduces the main characters, provides their "personal data"and, sometimes, their brief background.

On the other hand, verbal forms in a narrative can have yet another function, namely, differentiation between texts of different genres where verb forms used

in folklore texts are not the same as those found in personal narratives (life stories). This function of verb forms is much less studied compared to various verb form uses for narrative structuring.

Samoyedic languages are a good example of languages where verb forms are used on the one hand, for structuring a narrative, and on the other hand, for contrasting texts of different genres. They can both clearly differentiate an introductive fragment from the main storyline, and demonstrate the binary opposition of folklore vs. personal narratives. This specific use of verbal forms in discourse, however, is untypical for the Ob-Ugric languages, including for most Khanty dialects. Thus, both the Obdorsk (a northen Khanty) dialect and the Surgut (a westernmost of the eastern varieties) dialect lack these distinctions. The easternmost Vakh dialects show a different picture. In this local variety of Khanty, verbal forms are used both for structuring the narrative (special marking of the introductory fragment) and for typologically rare contrasting of the three genres: historical tradition, fairy tales, and personal narrative. The same threefold opposition is also found in the northernmost Middle Taz dialect of Selkup. It is noteworthy that this ternary contrast is observed precisely in materials from Korliki village, a part of the Vakh dialect area directly bordering the territories inhabited by northern Selkups (their migration routes also included the Vakh basin).

Keywords: Eastern Khanty, narrative, discourse.

1. Введение

Ваховский диалект хантыйского языка (как представитель восточной диалектной зоны) демонстрирует значительное своеобразие нарративных стратегий на фоне нарративных стратегий других хантыйских диалектов. С одной стороны, именно восточная диалектная зона отличается наибольшим разнообразием временных форм глагола, ср. сопоставительную *Таблицу 1* [Honti 1984: 51], дающую представление о репертуаре темпоральных глагольных форм, представленных в различных хантыйских диалектах[1]; таким образом,

[1] Диалекты обозначаются в соответствии с цитируемым источником, расшифровку сокращений см. в конце статьи. Сохранены также наименования

именно эти диалекты обладают наиболее богатым набором форм, которые могут использоваться для маркирования текстовых фрагментов, имеющих в нарративе ту или иную особую дискурсивную функцию. С другой стороны, именно говоры ваховского диалекта демонстрируют поразительное разнообразие стратегий использования одних и тех же глагольных форм в нарративе.

Таблица 1. Темпоральные системы хантыйских диалектов по [Honti 1984: 51]

Table 1. Temporal systems of Khanty dialects according to [Honti 1984: 51]

	Ős-ostják	**VVj.**	**Sur.**	**Sal.**	**Dél.**	**Ni.**	**Šer.**	**Kaz.**	**Ber.**	**O.**
Praesens	**l*	***l***	*ʌ*	*t*	*t*	*t*	*t*	*ʌ*	*l*	*l*
Perfectum	∅	∅	∅	∅	∅	∅	—	—	—	—
Imperfectum	**s*	***s***	*(s)*	*(s)*	—	—	*s*	*s*	*s*	*s*
Perfectum historicum	—	***γäl***	—	—	—	—	—	—	—	—
Imperfectum historicum	—	***γäs***	—	—	—	—	—	—	—	—

Статья имеет следующую структуру: в *Разделе 2* обсуждается понятие дискурсивных функций глагольных форм и дается обзор нарративных стратегий, использующихся в диалектах хантыйского языка. В следующих трех разделах последовательно анализируются нарративные стратегии, использующиеся в текстах на ваховском диалекте, записанных Н. И. Терешкиным в трех поселках в бассейне Ваха: Лабаз-Ёгане (*Раздел 3*), Большом Ларьяке (*Раздел 4*) и Корликах (*Раздел 5*). В *Разделе 6* изложены основные выводы исследования.

глагольных форм, предложенные в оригинале, хотя их следует считать скорее условными ярлыками.

2. Понятие дискурсивных функций глагольных форм и обзор нарративных стратегий, использующихся в диалектах хантыйского языка

Под дискурсивными функциями глагольных форм в нарративе традиционно понимается такое использование аспектуальных, темпоральных или эвиденциальных форм, которое предопределяется не их грамматической семантикой, но необходимостью маркировать определенное положение того или иного текстового фрагмента в общей структуре нарратива, см. работы, в которых это явление анализируется на материале различных языков, в [Гусев и др. (ред.) 2008]. Так, можно выделить следующие дискурсивные функции глагольных форм:

— секвентная: в хронологической последовательности описываются следующие друг за другом ситуации, относящиеся к основной линии повествования;
— фоновая: описываются ситуации «второго плана», сопутствующие развитию основной линии повествования, но не относящиеся к ней;
— интродуктивная функция: как правило, в тексте особым образом маркируются глагольные формы в начальном, вводном фрагменте, где вводятся основные персонажи, даются их «анкетные данные» (в фольклорных нарративах нередко сообщается состав семьи героя, а также то, богат он или беден, может сообщаться, за счет чего он живет); в интродуктивном фрагменте также может излагаться краткая предыстория того основного сюжета, которому посвящен нарратив. Помимо основной интродукции, в тексте могут присутствовать фрагменты, имеющие функцию «промежуточной интродукции»: по ходу развития сюжета могут появляться новые персонажи, и грамматически клаузы, их представляющие, могут оформляться особым образом.

Дискурсивные функции глагольных форм не исчерпываются тремя перечисленными; читателя, желающего получить более полную картину, можно отослать к [Гусев и др. (ред.) 2008]. Однако для

целей данной работы достаточно ограничиться двумя основными дискурсивными функциями: секвентной и интродуктивной. При изучении фольклорных нарративов оказывается, что именно эти два типа фрагментов представлены практически в любом фольклорном тексте. Именно поэтому удобно сконцентрироваться на способах грамматического маркирования этих двух типов нарративных фрагментов и на этом основании выстраивать типологию структурирования нарратива в родственных языках / диалектах одного языка / языках одного ареала и т. п.

Однако у глагольных форм в нарративе может быть и другая функция, а именно — противопоставление текстов разных жанров. Бинарное разделение на фольклорные нарративы и персональные нарративы хорошо прослеживается на материале различных самодийских языков. Например, в энецком основной формой, использующейся в секвентной функции, в нарративе любого типа будет форма так называемого аориста, однако в интродуктивном фрагменте фольклорного нарратива будет использоваться инферентивная форма, ср. (1), а в интродуктивном фрагменте персонального нарратива — форма претерита, ср. (2). В обоих примерах полужирным шрифтом выделены формы интродуктивного фрагмента, курсивом — аористные формы, использующиеся в секвентной функции для описания ситуаций основной сюжетной линии:

(1) *Кудаханей,* *кудаханей* ***дири-би*** *энчу.*
давно давно жить-INFER[-S3PL][2] человек.PL

Бу-ду ***дири-би*** *ŋокун.* *Юбкутун* *çизи*
он-3 жить-INFER[-S3PL] вместе однажды два

каса *энчи-ги* *мога-д* ***кань-би-хи***.
мужчина человек-DU лес-LAT уйти-INFER-S3DU

[2] Квадратные скобки означают отсутствие в записи материально выделяющегося показателя: ряд показателей в энецком реализуется как финальный гортанный смычный, который систематически отсутствует в цитируемом источнике. Дефис внутри квадратных скобок (не принятый в «Лейпцигских правилах глоссирования») отмечает то, что морфемную границу можно было бы провести, если бы гортанный смычный в ауслауте был зафиксирован.

Нэ ***кай-би***. *Ӯо* *каса*
женщина[PL] остаться-INFER[-S3PL] один мужчина

энчи *и-би-çь* *ту,*
человек NEG-INFER.S3PL-PRAET прийти[-CN]

а *ŋо-та* ***то-би-***∅.
а один-3 прийти-INFER-S3

Не-за *манив:* *«Куна* *бусы-й?»*
жена-3 сказать.EMPH.AOR.S3 где муж-1

Каса *манив:* *«Бусэ-р*
мужчина сказать.EMPH.AOR.S3 муж-2

каиçь» ⟨…⟩ *Точкузда* *т о -* ∅*,*
остаться.S3.PRAET потом прийти.AOR-S3

аган *аган* *л э у - ŋ а -* ∅
сильно сильно кричать-AOR-S3

‘Давно, давно **жили** люди. Они **жили** вместе. Однажды двое мужчин в лес **пошли**. Женщины **остались**. Один мужчина **не вернулся**, а один **пришел**. Жена спрашивает: «Где муж мой?» Мужчина отвечает: «Твой муж остался». ⟨…⟩ Потом (второй мужчина) п р и ш е л, сильно, сильно к р и ч и т ’ [Сорокина, Болина 2005: 54].

(2) *Модь* *кери-нь* *дёхара,* *сен* *пу-й*
я сам-1 не.знать.AOR.O1 сколько год-1

э-са-∅ *татби-çь* *кань-бу-ни.* *Энчу*
быть-PRAET-S3 замуж.выйти-INF идти-CVB-1 человек.PL

мана, *кудахай* *би-куз* *собрик* *по*
сказать.AOR[-S3PL] давно десять-EL пять год

э-би. *Тоную* *кудахан* ***дирибачь*** *нуй*
быть-INFER.S3 летом далеко жить.S1PL.PRAET остров[-GEN]

баро-хуз. *Нуй* *баро-хун* *соборик* *мэ’*
берег-?EL[3] остров[-GEN] берег-LOC пять чум

мокачить. *Модь* *э-бь* *эсы-й*
торчать.S3PL.PRAET я мать-1 отец-1

[3] По семантике здесь ожидалась бы форма локатива, а не элатива.

дягуçь.	*Модь*	***дирезучь***	*ага*	
не.иметься.S3.PRAET	я	жить-S1.PRAET	большой	

нэ	*каса*	*нэнь.*	*Модь*	***соуŋазучь***
женщина	брат[-GEN]	с	я	прыгать.S1.PRAET

моган,	*боду*	*дян*	*одыз*	***ŋодугозучь***.
лес.PROL	тундра[-GEN]	по	цветок	собирать.S1.PRAET

Ӈобкутун	*çи*	*маŋидичь*	*т о.*
однажды	я.ACC	сватать-INF	прийти.AOR[-S3PL]

‘Я сама не знаю, сколько лет мне **было**, когда я замуж вышла. Люди говорят, давно было, мне было 15 лет. Летом мы далеко **жили** на берегу острова. На берегу острова пять чумов **стояло**. Матери, отца у меня **не было**. Я **жила** у моей старшей сестры. Я **прыгала** по лесу, по тундре, цветы **собирала**. Однажды меня сватать п р и ш л и’ [Сорокина, Болина 2005: 243].

Для хантыйских диалектов нехарактерно маркирование текстов разных жанров при помощи использования различных глагольных форм. Начнем с северной диалектной зоны. В северных диалектах хантыйского, помимо темпоральных форм, определенные дискурсивные функции могли бы иметь две эвиденциальные формы: инферентив, восходящий к перфективному причастию, и латентив, восходящий к имперфективному причастию (об эвиденциальной системе северных хантыйских диалектов см. [Nikolaeva 1999]), однако, судя по текстам, их употребление ограничено собственно грамматической семантикой. Приведу начальные предложения фольклорного нарратива (3) и фрагменты из этого же нарратива, описывающие события основной сюжетной линии (3′), а также начальные предложения персонального нарратива (4) и фрагменты из этого же нарратива, описывающие события основной сюжетной линии (4′) на обдорском диалекте хантыйского. При том, что обдорский диалект находится в сильном контакте с ненецким, теоретически можно было бы ожидать заимствования ненецких нарративных стратегий и проникновения в интродуктивные фрагменты фольклорных нарративов эвиденциальных форм хотя бы под ненецким влиянием, однако этого не происходит:

(3) *χoləm jäjsaŋ* ***os-ət*** *Serotetto Okotetto i Jadni*
три брат жить.PRAET-S3PL PN PN и PN
‘Жили три брата — Сэротэтто, Окотэтто и Ядни’ [Nikolaeva 1995: 232].

(3′) *śi̯kəńśa mŏla lăχiti*[1] *końari*[2] ***mă̆nə-s,*** *jŏχi*
значит несчастный бедняга[1,2] уйти-PRAET.S3 домой
mă̆nə-s.
уйти-PRAET.S3
‘Значит, бедолага несчастный пошёл, домой пошёл’ [Nikolaeva 1995: 232].

(4) *ŏχ χoti ma χŭnti* ***wuś-s-əm.*** *mŭr*
деньги я когда найти-PRAET-S1 люди
lawə-l mŭŋ kontora ewəlt
сказать-PRAES.S3PL мы контора от
păr-s-aj-uw pa ***man-s-uw***
послать-PRAET-PASS-S1PL и пойти-PRAET-S1PL
‘Как я-деньги **нашла**. Люди говорят: «Нас от конторы послали», и мы **пошли**’ [Nikolaeva 1995: 240].

(4′) *tăm-sək* ***măn-sə-m*** *pa śikəńśa ătti tămsək*
дальше уйти-PRAET-S1 и значит вот дальше
măn-sə-m *pa śikəńśa mŭw χŏśa nŏχ*
уйти-PRAET-S1 и значит земля COLL вверх
χi̯r-se-m ***χi̯r-se-m*** *nŏχ* ***tal-s-əm***
копать-PRAET-S1 копать-PRAET-S1 вверх тащить-PRAET-S1
‘Подальше **отошла**, подальше **отошла**, значит, землю **копала**, **копала**, вверх **тащила**’ [Nikolaeva 1995: 240].

Далее приведу примеры из текстов на сургутском диалекте, представляющем западную часть восточной диалектной зоны (цитируются, включая глоссинг и перевод с электронного ресурса «Ob-Ugric languages» с сайта http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de[4]). В примере (5)

[4] Лексические значения в глоссинге и перевод примеров даются в статье по-русски (а не по-английски, как в корпусе «Ob-Ugric languages»), глоссы для грамматических значений даются по цитируемому корпусу.

приведено начало фольклорного нарратива, в примере (6) — начало персонального нарратива (сказки). Как и в примерах (1) и (2), глагольные формы в интродуктивном фрагменте выделены полужирным шрифтом, глагольные формы в основной части повествования — разрядкой. Примеры (5) и (6) показывают, что в интродукции обоих текстов используется претерит, претерит же используется и в основной части нарратива:

(5) *əj*[1] *łɐːtnə*[2] *mɯːʃliŋki* *pɐːnə* *piːtʲəŋkəli* *nʲuːł=*
однажды[1,2] мышка и птичка друг.с.другом=

βɛłəɣtək-kən *pɐːnə* *łʲɐːłʲəksə-tɐɣə* ***jəɣ-ət***.
решить+[PST]-3DU и воевать-INF начать+[PST]-3PL

tʲiː *torəm* *toɣłəŋ βɒːjɣ-ət* *pɐːn* *juːɣ ont* *βɒːjɣ-ət*
этот небо птица-PL и лес зверь-PL

łʲɐːłʲ-nɐm *mən-tɐɣə* ***jəɣ-ət*** *pɐːnə* *tʲi* *βont*
война-APP идти-INF начать+[PST]-3PL и этот лес

βɒːjɣ-ət ***joβt-ət*** *teːmi* *juːɣ-nə*
зверь-PL прийти+[PST]-3PL этот дерево-LOC

ɒːməs-ł *kɐːrəs iːki.* *łəɣ* *βɵβ-łɐł* *əntə*
сидеть-PRS[3SG] карес.старик 3PL сила-PL<3PL NEG

joβət-ł-ət. ⟨…⟩ *pɐːnə* *mɯːʃ* *toβənɐm* *k i ː t - i.*
прийти-PRS-3PL и [мышь] туда послать+[PST]-PASS.3SG

‘Однажды мышка и лесная птичка **подрались**. И воевать **стали**. Небесные с перьями птицы и в лесу живущие звери войной **пошли** друг на друга. И вот эти лесные звери **пришли**, оказывается, на дереве сидит Карэс ики — орёл. Их сил на него не хватает. ⟨…⟩ И *послали* туда мышь’ [http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=view_glossed_corpus&id_text=1345&no_navi=true].

(6) *jeːɣłi-t* ***βoł-ət*** *jɯːs* *jɯːs-nə* *tuːt-ən*
холод-PL быть+[PST]-3PL старый старый-LOC тот-LOC

tɐːt-ən *βał-əm* *łɐːtnə* *məŋ* *ɛnəm-əβ*
время-LOC жить-PTCP.PST когда 1PL расти+[PTCP.PST]-1PL

łɐːtnə. *iːt* *teːm* *nopət-nə* *jeːɣłi* *əntem*
пока теперь этот время-LOC холод NEG.EXIST

tʲuː *łɐːt-nə* *łɯβ* *tʲuːkim* *jeːɣłi-t* ***βoł-ət***,
тот время-LOC 3SG так холод-PL быть+[PST]-3PL

teːm tɯɬɣin łɒːr jɛŋk-ət moːri-ł-ət. ⟨…⟩
этот зимой озеро лед-PL треснуть-PRS-3PL

tʲuːkim jeːɣłi-t ***βoł-ət*** *mɐː paq-qə*
так холод-PL быть[+PST]-3PL 1SG мальчик-TRNS

βał-m-ɐm-nə jeːŋ ɯrəkkə qoːłəm ɒːł mɯβ
быть-PTCP.PST-1SG-LOC тринадцать год или

jeːŋ ɯrəkkə nʲəłə ɒːł-nə βał-m-ɐm-ɐ
четырнадцать год-LOC быть-PTCP.PST-1SG-DLAT

tʲeːtʲtʲeːtʲe-m βuːtʲŋi qɒːnʲtʲ-min jəmɐt
дед.по.отцу-SG<1SG давно болеть-CVB очень

ɐːtəm-ɣə ***jəɣ*** *tʲuː taβin*
плохой-TRNS стать+[PST.3SG] этот весной

əntemɣə piːt-tɐɣə jəɣ,
умереть-INF стать+[PST.3SG]

tʲuː łɐːt-nə. otə pɐːtɐłəŋ łɯːɣəł łɒːr-nə
этот время-LOC ХМ круглый кедровый озеро-LOC

jəŋk-ɐ ***suːłt-ojəm*** *tɐːrəm*
вода-DLAT скользнуть+[PST]-PASS.1SG правда

jeːɣłi-t łɐːpkɐ-nɐm mən-t-ɐm sɒːɣət
холод-PL магазин-APP идти-PTCP.PRS-1SG пока

əj matʃɣə pə ***suːłt-ojəm*** *jəŋk-ɐ*
прочь EMPH скользнуть+[PST]-PASS.1SG вода-DLAT

piːt-əm *pɐːn jɛŋk tom pɛlk-ɐ əntə*
упасть+[PST]-1SG и лед этот сторона-DLAT NEG

piːt-əm, *moːri-jəm tɒːɣi-nə. tʲi*
упасть+[PST]-1SG треснуть-PTCP.PST место-LOC так

suːłtə-m-ɐm-ɐ ɯlɐk nʲuːr
скользнуть-PTCP.PST-1SG-DLAT оленья.упряжь привязь

mɐːn kətʃəɣ-nɐt ɛβətəm-i mɐːnə
1SG.LOC нож-COM резать+[PST]-PASS.3SG 1SG.LOC

βɐːləɣ qoβit uːtnɐm quːɣł-əm
хорей вдоль к.берегу.от.воды бежать+[PST]-1SG

‘Холода **были** давным-давно, когда там, тут жили, когда мы росли. Сейчас в наше время холодов нет, тогда такие морозы **были**, зимой озера трескались от холода. ⟨…⟩ Такие вот

морозы **были**. Когда я еще мальчиком был, тринадцать лет мне было или четырнадцать лет было, мой дедушка покойный **болел** очень сильно, той весной и **умер**, тогда на озере Круглый кедр я **попал** на открытую воду (и сразу начал замерзать), холодно тогда было, когда я в поселок ехал. Сразу (начал замерзать, когда) **попал** в воду, и я **не смог попасть** на ту сторону озера, с места, где была открытая вода. Тогда я о б р е з а л ножом вожжи и п о б е ж а л по хорею (= шесту для управления упряжкой) на берег' [http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=view_glossed_corpus&id_text=730&no_navi=true].

В качестве альтернативы в интродуктивном фрагменте фольклорного нарратива на сургутском хантыйском может использоваться презенс, однако его использование ограничено глаголом 'жить, быть', как в (7):

(7) *əj mətɐ łɐ:tnə* *tu:ʃəŋ ɐ:ɣən* *pɐ:nə* *βɐ:tʲ kɯr βɛjɣən* *pɐ:n*
как.то PN и PN и
o:ɣ łołəŋkən ***βal-ł-ət*** *əj łɐ:tnə* *łʲɐ:łʲ-nə*
PN быть-PRS-3PL однажды войско-LOC
joβt-ɐt.
прийти+[PST]-PASS.3PL
'Однажды Бородатый подбородок и Тоненкие ножки и Головные виски **живут**. Однажды война **пришла** к ним' [http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=view_glossed_corpus&id_text=1346&no_navi=true].

Тем самым тексты северной диалектной зоны демонстрируют: а) отсутствие дифференциации жанров с использованием различных глагольных форм; б) отсутствие структурирования нарратива на интродуктивный фрагмент и основную часть повествования с использованием различных глагольных форм. Сургутский диалект хантыйского также не использует различные глагольные формы для противопоставления текстов разных жанров, структурирование нарратива ограничено использованием презенса с глаголом 'жить'

в интродуктивном фрагменте фольклорных нарративов. Во всех прочих случаях и в северном, и в сургутском диалекте используются претериты.

На этом фоне ярко отличаются тексты на ваховском диалекте хантыйского языка. Н. И. Терешкин записал ряд текстов в трех поселках: Лабаз-Ёган, Большой Ларьяк и Корлики. Среди этих текстов представлены как фольклорные, так и личные нарративы. Рассмотрим последовательно использование глагольных форм в нарративах, записанных в каждом из поселков[5].

3. Лабаз-Ёган

В интродуктивном фрагменте фольклорных нарративов, как и в сургутском диалекте, используется глагол ‘жить’ в форме презенса, в качестве основной нарративной формы может использоваться претерит с показателем *-γäl*. Так, в тексте, приведенном в (8), во втором предложении в интродуктивном фрагменте используется презенс глагола ‘жить’, его функция — представление персонажей этого нарратива. Далее в тексте для описания событий основной сюжетной линии последовательно используются претериты с показателем *-γäl*. Эту форму имеют все глаголы, кроме глаголов речи (типологически нередким является использование в нарративе особых грамматических форм глаголов речи — таких форм, которые отличаются от используемой в данном языке формы с секвентной дискурсивной функцией) и глаголов ‘раздувает,

[5] Поскольку ниже будут комментироваться фольклорные нарративы, приводимые целиком, сплошное глоссирование сделало бы примеры слишком громоздкими и затруднило бы для читателя соотнесение комментариев с конкретными частями нарратива. Точно так же мне представляется не вполне удачным давать сначала целиком хантыйский нарратив, а затем его перевод. Поэтому ниже тексты даны в формате таблицы, где в первом столбце приводится хантыйский текст (по одному предложению в строке), а во втором столбце — перевод. В квадратных скобках после глагольных форм дается глоссинг.

раздувает’ в предложении 6 и ‘смеялась, смеялась’ в предложении 7, описывающих длительное действие (их аспектуальная характеристика также выводит их за рамки основной линии повествования):

(8) Фольклорный текст «Пучок травы и ягодка», Лабаз-Ёган

1. *памə сöγ пäни улсəм*	1. Пучок травы и ягодка
2. *памə сöγ пäни улсəм т’и* ***вəл-лə-γəн*** [жить-PRAES-S3DU].	2. Пучок травы и ягодка (вдвоем) живут.
3. *əјлäнə вəртə улсəм нуқ* ***кӱл-γäл*** [встать-PRAET$_{γäl}$.S3], *тöγə нуқ* ***öləкəтə-γäл*** [разжигать-PRAET$_{γäl}$.S3].	3. Однажды красная ягодка встала, стала разводить огонь.
4. *улсəм памə сöγä т’у кöл* ***ат-вəл*** [сказать-PRAES.S3]:	4. Ягодка пучку травы говорит:
5. *«нуқ кӱлä, мä лулым н’ärəккə јə**с**, мä käḷəң äləң тöγə пöγəлləм».*	5. «Встань, у меня во рту все облезло, я каждое утро огонь раздуваю».
6. *памə сöγ нуқ* ***кӱл-γäл*** [встать-PRAET$_{γäl}$.S3], *кöрä ник* ***выγəл-γал*** [встать-PRAET$_{γäl}$.S3], *тöγə т’и* ***пöγ-лə-ты*** [раздувать-PRAES-O3], *т’и* ***пöγ-лə-ты*** [раздувать-PRAES-O3], *əјлäнə тöγə* ***вät’имтə-γäл*** [загореться-PRAET$_{γäl}$.S3] *пäни памə сöγ пə* ***вät’γəл-γäл-и*** [зажечь-PRAET$_{γäl}$-S3.PASS].	6. Пучок травы встал, к печке подошел, раздувал, раздувал огонь, наконец огонь вспыхнул, и пучок травы тоже вспыхнул.
7. *вəртə улсəм т’и* ***ḷысқа*** [смеяться.PRAETØ.S3], *т’и* ***ḷысқа*** [смеяться.PRAETØ.S3], *əјлäнə* ***лопəқынтə-γал*** [лопнуть-PRAET$_{γäl}$.S3].	7. Красная ягодка смеялась, смеялась, наконец лопнула.

Однако в фольклорных текстах, записанных в Лабаз-Ёгане, нарратив может быть структурирован и более сложным образом.

Рассмотрим текст «Альвали с сестрой», приведенный в (9). В этом тексте различное грамматическое оформление имеют:

— глагол ‘жить’ в первом предложении интродукции, который представляет двух персонажей данного нарратива: Альвали и его сестру, оформлен *презенсом*;
— глаголы в интродуктивном фрагменте, рассказывающем предысторию, оформлены *претеритом с показателем -yäl*;
— в качестве глагольных форм, описывающих события основной линии повествования (иными словами, имеющих секвентную функцию), используются формы *претерита с показателем -s*[6]:

(9) Фольклорный текст «Альвали с сестрой», Лабаз-Ёган

1. *älvälи änisäyən*	1. Альвали с сестрой
2. *älvälи änisäyən m’и* ***vəl-lə-yən*** [жить-Praes-s3Du], *m’и* ***vəl-lə-yən*** [жить-Praes-s3Du].	2. Альвали с сестрой живут-поживают.
3. *ə̈jlänə än’ипил lөyä* ***at-vəl*** [сказать-Praes.s3]:	3. Однажды сестрица ему говорит:
4. *«älvälи jəңkä ник ваулыуа!»*	4. «Альвали, по воду сходи!»
5. *älvälи витräyən* ***və-yäl*** [уйти-$\text{Praet}_{\text{yäl}}$.s3] *päни jəңkä* ***mən-yäl*** [уйти-$\text{Praet}_{\text{yäl}}$.s3].	5. Альвали ведра взял и по воду пошел.
6. *jəңк* ***əmräytə-yäl*** [зачерпнуть-$\text{Praet}_{\text{yäl}}$.s3], *сарт нуқ* ***və-yäl*** [взять-$\text{Praet}_{\text{yäl}}$.s3].	6. Воду почерпнул, заодно щуку вытащил.
7. *älvälи än’ипилä* ***m’ə̣d-vəl*** [крикнуть-Praes.s3]:	7. Альвали сестре кричит:

[6] Исключения из этого те же, что обсуждались применительно к примеру (8): это презенсы глаголов речи, а также презенс глагола в предложении 18 ‘едва не разваливается’, где описывается стативная ситуация — плачевное состояние нарты (аспектуальная характеристика также выводит глагол этого предложения основной линии повествования).

8. *«ӓн’и-и, јуӈ ликрим ник ваӈэлты!»*	8. «Сестра-а, деревянную нарту на берег притащи!»
9. *ӓн’ипилнӓ јуӈ ликӓр ниӈ* ***ваӈэлтӓ-с-ы*** [притащить-Praet$_s$-s3.Pass].	9. Сестра деревянную нарту на берег притащила.
10. *ӓлвӓлинӓ суртӓл ликрӓ* ***пӓн-сӓ-ты*** [положить-Praet$_s$-o3] *пӓни ӓн’ипилӓ т’у кӧл* ***ат-вӓл*** [сказать-Praes.s3].	10. Альвали свою щуку в нарту положил и сестре говорит:
11. *«ликӓр туӈы јоӈпа!»*	11. «Нарту утащи домой!»
12. *ӓн’ипиланӓ ликӓр кӧ̣ч илӓ* ***н’өӈӓтӓ-с-тӓ*** [сдвинуть-Praet$_s$-o3], *ликӓр төӈы* ***сӓӈ̣ликинтӓ-с*** [развалиться-Praet$_s$.o3].	12. Сестра сдвинула было нарту, а нарта рассыпалась.
13. *ӓлвӓли ӓн’ипилӓ* ***ат-вӓл*** [сказать-Praes.s3]:	13. Альвали сестре говорит:
14. *«мӓнӓ, вӓӈ ликрим ниӈ туӈы!»*	14. «Иди, железную нарту притащи!»
15. *ӓн’ил јоӈпа* ***јӓлӓ-с*** [сходить-Praet$_s$.s3] *пӓни вӓӈ ликӓр* ***ту-с-тӓ*** [привезти-Praet$_s$-o3].	15. Сестра домой сходила и железную нарту притащила.
16. *ӓлвӓлинӓ суртӓл төӈ нуӄ* ***пӓн-сӓ-тӓ*** [положить-Praet$_s$-o3] *пӓни ӓн’ипилӓ атвӓл:*	16. Альвали щуку свою туда положил и сестре говорит:
17. *«тулымӓн ликӓр јоӈпа!»*	17. «Потащим нарту домой!»
18. *ӈыв оӈтыја тумынаты, ликӓр этн-этн ӓрӓӈ* ***сӓӈ̣ликинтӓ-вӓл*** [развалиться-Praes.s3].	18. Когда дотащили до пригорка, нарта чуть-чуть не развалилась (досл.: разваливается).
19. *јоӈ* ***јӧ-с-кӓн*** [положить-Praet$_s$-s3Du], *ӓлвӓлинӓ сарт јоӈ* ***вӓ-с-и*** [взять-Praet$_s$-s3.Pass].	19. Домой пришли, Альвали щуку в избу внес.

20. *älvälи än'ипилä* ***ат-вəл*** [сказать-Praes.s3]:	20. Альвали сестре говорит:
21. *«нӧӈ суртəн тӧγ сӱлӈän, муγləγ мänä пəны».*	21. «Если ты щуку очистишь, максу (печень) мне оставь».
22. *älvälи лӧγтил* ***əлынтə-с*** [лечь.спать-Praet$_s$.s3].	22. Сам Альвали лег спать.
23. *än'ипилнə jəм тəγыл нуγ* ***ли-с-тə*** [съесть-Praet$_s$-o3], *лӧjəл лӧγä* ***қəj-сə-тə*** [оставить-Praet$_s$-o3].	23. Сестра его хорошие места [у щуки] съела, желчь ему оставила.
24. *älvälи нуқ* ***кӱлə-с*** [встать-Praet$_s$.s3], *än'ипилä* ***ат-вəл*** [сказать-Praes.s3]:	24. Альвали встал, сестре говорит:
25. *«вулə, т'ät, мän литотə мəjä!»*	25. «Ну, теперь дай мне поесть (досл.: меня едой дай)!»
26. *än'илнə литотə* ***амəс-с-ы*** [положить.еды-Praet$_s$-s3. Pass].	26. Сестра еду ему поставила (досл.: сестра едой его поставила).
27. *лӧγ кӧч* ***лäγимə-с*** [попробовать-Praet$_s$.s3], *т'укӱм т'ути лӧj.*	27. Он отведал было: оказывается, такая желчь!
28. *т'утəт илə* ***рəкəтə-с-тə*** [швырнуть-Praet$_s$-o3] *пäни ытənвəсӧγ кӱм* ***порγəлə-с*** [вылететь-Praet$_s$ s3].	28. Это (досл.: эти) он прочь швырнул и [сам] из окна вылетел на улицу.

Таким образом, в отличие от нарративов на других диалектах хантыйского, фольклорные нарративы на ваховском диалекте, записанные в Лабаз-Ёгане, могут быть структурированы достаточно сложным образом; в частности, в них четко выделяется интродуктивный фрагмент, в котором не только вводятся основные персонажи, но и рассказывается их предыстория. Что касается персональных нарративов, записанных в пос. Лабаз-Ёган, они имеют ту же структуру, что и фольклорный текст, представленный в примере (9). Ниже

в примере (10) приводится такой текст. Первые три предложения составляют интродукцию. В первом из них употребляется претерит (при обозначении героев, времени и места действия) употребляется претерит с показателем *-yäs*. Глагольные формы в следующих двух предложениях интродукции, описывающих предысторию нарратива, как и в фольклорном нарративе в (9), оформлены показателем претерита *-yäl*. Эта форма появляется в тексте еще несколько раз. Интересно употребление этой формы глагола ‘жить’ в предложениях 19 и 21, где она составляет контраст с формой презенса, употребленной в предложении 20. Так, презентная форма в предложении 20, (как и, например, в предложениях 18 и 22) описывают многократные, регулярно повторяющиеся ситуации в прошлом. Напротив, претерит с показателем *-yäl* в 19 и 21 никакой конкретной ситуации не описывает: это фактически внешний по отношению к повествованию комментарий рассказчика, где он кратко обобщает для слушателя то, что подробно описывается в нарративе. Полностью аналогично описанному и употребление претерита на *-yäl* от глагола ‘жить’ в предложении 41, и употребление этой грамматической формы от глагола ‘начать бояться’ в предложении 31, где эта глагольная форма фактически представляет в сжатом виде то, что описывается далее в предложениях 32–36.

Основной секвентной формой в персональном нарративе также служит претерит на *-s*, что нетрудно проследить по приводимому в (10) тексту. Изредка эта форма чередуется в секвентной функции с претеритом с нулевым показателем; как правило, она появляется для описания неначальной ситуации в цепочке тесно связанных событий, составляющих одну макроситуацию, ср. чередование этих двух претеритов в предложениях 12, 35 и 40.

(10) Персональный нарратив, Лабаз-Ёган

1. *m´y алнə мин əпымəнаты ləвасəŋ joγəн пуγəлнə* ***вəл-γасмəн*** [жить-PRAET$_{γäs}$-S1DU].	1. В тот год мы с отцом в деревне Лабаз-Ёган жили.
2. *m´y ал ṇəкə läγəр* ***вəл-γал*** [жить-PRAET$_{γäl}$.S3].	2. Тот год очень тяжелым был.

3. *мин әпымәнаты литота ҷәкә јэрәмин* ***вәл-ґал-мән*** [жить-PRAET$_{ґäl}$-S1DU].	3. Мы с отцом жили, сильно голодая.
4. *јаґ минä т´у кöл* ***ат-вәл-т*** [сказать-PRAES-S3PL]:	4. Люди так нам говорили:
5. *«јоґнапа мәнитн».*	5. «Поезжайте на речку».
6. *әпымнә т´у тәґы* ***төҗәм-ты*** [знать.PRAET$_{\emptyset}$-O3] *пäни т´у кöл* ***ат-вәл*** [сказать-PRAES.S3]:	6. Отец эти места знал и говорит так:
7. *«ҕөты јәґиґän, мәнлämän; јоґәннә ҕул äркијәки, мәтä сәґы вәлләмән».*	7. «Что может статься, поедем; в речке рыбы много, как-нибудь проживем».
8. *т´а мин* ***мән-с-ämän*** [уйти-PRAET$_{s}$-S1DU] *јоґәнапа тәләґ јорнә.*	8. И вот мы поехали на речку в середине зимы.
9. *тоґ, уте, јöмämänäти, әпым ҕыләс* ***вэрәкәтä-с*** [сделать.INCH-PRAET$_{s}$.S3].	9. Туда, в глушь приехав, отец начал шалаш строить.
10. *әԥлä ҷоґты пäј кäсмин, äрәґ, кä пәԥкәлöґ* ***ҕыԥä-с-тä*** [разгрести-PRAET$_{s}$-O3] *пäни ујлоґ әԥлä пÿлт* ***вэрä-с*** [сделать-PRAET$_{s}$.S3].	10. Отыскав большой снежный сугроб, разгреб его с двух сторон и по его низу проделал большой проход.
11. *мәґәлґәл äрәґ* ***ҕыԥы-мән*** [разгрести.PRAET$_{\emptyset}$-S1DU].	11. Вокруг [этого прохода] мы разгребли [снег].
12. *әј пәԥкәл, — лэвәс* ***морытä-мән*** [наломать.PRAET$_{\emptyset}$-S1DU], — ***тоґәр-сä-тä*** [заложить-PRAET$_{s}$-O3], *әԥнәґәл ҷоґнаты* ***ыл јоґы-мән*** [заложить.PRAET$_{\emptyset}$-S1DU], *онтәл ҕол јуґ лэвсä* ***лэрämтä-с-тä*** [постелить-PRAET$_{s}$-O3] *н´ämäкä әлата.*	12. Одну сторону, — мы наломали веток, — отец заложил [ветками], верх снегом забили, внутри [отец] настелил еловых веток, [чтобы] мягче было лежать.

13. *ос ӓj пӱлт* ***ҷӓj-сӓ-тӓ*** [оставить-PRAET$_s$-O3] *лаγӓтлтаты*.	13. Еще одну дыру оставил для выхода.
14. *т´änä ҷыläс тätӓγ* ***jäс*** [быть. PRAET$_s$.S3].	14. И вот шалаш готов.
15. *лаγӓтлтӓ ним пӓлӓкнӓ тӓγӓ вӓрӓнтилтӓ тӓγы* ***ҷӓj-сӓ-мӓн*** [устроить-PRAET$_s$-S1DU].	15. Около выхода устроили место для разведения огня.
16. *т´ä ӓпымнати* ***вӓläҷӓтӓ-с-мӓн*** [жить.INCH-PRAET$_s$-S1DU] т´у joγӓннӓ́.	16. И вот с отцом стали (мы) жить на этой речке.
17. *jaγ минä мӓрӓм ик онтӓрнӓ ӓjпä-киппä* ***jäлил-вäл-т*** [приехать-PRAES-S3PL] *вӓläм ҷул тотҷӓлтӓлаты.*	17. Люди к нам только два раза в месяц приезжают для вывоза добытой рыбы.
18. *т´у joγӓннӓ ҷул äркijäки, мӓрӓм лоγӓвнаты* ***эмäр-л-ил*** [черпать-PRAES-O3PL].	18. В этой речке рыбы много, просто сачком черпают.
19. *мин ӓпымӓнаты ätимӓн тӓт, утӓн,* ***вӓл-γал-мӓн*** [жить-PRAET$_{γäl}$-S1DU].	19. Мы с отцом одни там в глуши живем.
20. *мӓрӓм ҷулнӓ* ***вӓл-мӓн*** [жить-PRAET$_{\emptyset}$-S1DU], *пäлänä jaγнӓ минт räкä* ***тотҷӓл-вӓл-т*** [привезти-PRAES-S3PL].	20. Только на рыбе живем, иногда народ нам муку́ привозит.
21. *т´уты* ***вӓл-γӓл-мӓн*** [жить-PRAET$_{γäl}$-S1DU], *литät ӓнтӓ мӓн´т´аγӓлтамӓнаты*.	21. Таким образом жили, чтобы избежать голода.
22. *ӓпым ҷул эмӓртä* ***jäлил-вäл*** [ходить-PRAES.S3] *литämänä, вajγа* ***jäлил-вäл*** [ходить-PRAES.S3] *пäлänä.*	22. Отец рыбу черпать ходит для еды, на охоту ходит иногда.

23. *ӓјлӓнӓ ӓпым вајуа* ***ԥӓүӓүсӓкӓтӓ-с*** [собираться. INCH-PRAET$_s$.S3] *пӓни мӓнӓ т´у кӧл* ***ат-вӓл*** [сказать-PRAES.S3]:	23. Однажды отец на охоту (досл.: на зверя) начал собираться и мне так говорит:
24. *«нӧԥ т´ӓ ԥыләснӓ ымса, мӓ сарӓүј јӓлиллӓм.*	24. «Ты в шалаше сиди, я недолго прохожу.
25. *нӧԥ, — т´ӓ литот вӓлвӓл, — литӓ јӓԥӓн, лиүӓ.*	25. Ты, — тут еда имеется, — если есть захочешь, поешь.
26. *мӓ ԥоүлимӓүлӓԥам, итнӓ ԥул кӧүӓртӓ.*	26. Если я надолго задержусь, вечером рыбу свари.
27. *нӧԥ ӓл пӓлмӓ, тӓлӓүјорнӓ нӧԥӓ ԥојӓ-пӓ ӓнтӓ јӧвӓл».*	27. Ты не бойся, среди зимы к тебе никто не придет».
28. *т´ӓ* ***мӓнӓ-с*** [уйти-PRAET$_s$.S3].	28. И вот ушел (он).
29. *мӓ ԥыләс пӧԥӓлнӓ* ***јӓԥԥа-л-ӓм*** [играть-PRAES-S1] *ӓтимнӓм мӓтӓлиүӧүпӓ ӓнтӓ пӓлтӓмӓмин. итнӓүпитӓкӓлӓтӓмӓ,* ***лӓүлӓсӓкӓтӓ-сӓ-м*** [ждать.INCH-PRAET$_s$-S1].	29. Я возле шалаша играю один (досл.: с собой), ничего не боясь. Когда стало вечереть, стал (я) поджидать [отца].
30. *ӓпым кӧч* ***лӓүӓл-л-им*** [ждать-PRAES-S1] — *ӓнтимӓки.*	30. Жду, жду отца — а его все нет.
31. *итнӓүјӓмӓүӓ,* ***пӓлмӓкӓтӓ-үӓл-ӓм*** [бояться.INCH-PRAET$_{үӓl}$-S1]. *т´утыі* ***номӓүсӓ-лӓ-м*** [думать-PRAES-S1]: *«мӓтӓ тӓуыја ӓл питвӓл».*	31. Когда наступил вечер, начал (я) бояться. Так думаю: «Не попал бы куда-нибудь».
32. *пӓлӓнӓ, ԥӱкӓлӧүилӓ кӓсмин масԥоуа тӓуы, ԥӓт´-ԥав* ***јис-л-ам*** [плакать-PRAES-S1].	32. Иногда, по его следу некоторое небольшое расстояние вперед пробежав, чуть не плачу.
33. *ԥӓкӓ римӓкӓлӓм пырнӓ, т´уты* ***номӓүсыл-л-ӓм*** *[думать-PRAES-S1]: «ӓпым тӧуапӓ тӓвӓс, кӓԥчӓ мӓнлӓм».*	33. После, когда сильно стемнело, так думаю: «Отец, видимо, заблудился, искать пойду».
34. *т´ӓ мӓ-с-ӓм* [уйти-PRAET$_s$-S1].	34. И вот пошел.

35. *ḷökин масқоуа тәуы илә* ***кәс-с-әм*** [пробежать-PRAET$_s$-S1], *сөүмә ҡасәнә әпым* ***кәлт-әүән*** [показаться-PRAET$_\emptyset$.S3].	35. Едва некоторое расстояние пробежал, за березой отец показался.
36. *мә јисмин лөуа илтәүә* ***јө-л-әм*** [идти-PRAES-S1].	36. Я с плачем ему навстречу иду.
37. *әпым мәнә јөмәл пырнә т´у көл* ***ат-вәл*** [сказать-PRAES.S3]:	37. Когда отец ко мне подошел, так говорит:
38. *«вулә, мөүә ворәу јисвән, лөу-әнтә мә мөрәу вәсәм.*	38. «Да зачем же напрасно пришел, ведь я цел-невредим.
39. *т´ә пәртәү мәнләмән».*	39. Давай обратно пойдем».
40. *пәртәү, кылсымәна* ***јө-с-мән*** [прийти-PRAET$_s$-S1DU], *ләүки н´оуы* ***көүәртә-мән*** [сварить-PRAET$_\emptyset$-S1DU], *јәмә* ***лисмәнҡав-сә-мән*** [поесть-PRAET$_s$-S1DU].	40. Обратно в шалаш свой пришли, беличьего мяса наварили; как следует поели-покушали.
41. *т´итә ḷоуә ләлатә моḷә* ***вәл-уал-мән*** [жить-PRAET$_{yäl}$-S1DU].	41. Так до снеготаяния жили.
42. *әјләнә әпым әт´т´итә ҡул әмәртә јоуәнапа* ***мәнә-с*** [уйти-PRAET$_s$.S3].	42. Однажды отец также рыбу черпать на речку пошел.
43. *мәнә т´у көл* ***ат-вәл*** [сказать-PRAES.S3]:	43. Мне так говорит:
44. *«нөҥ ымса, мә ҡотл јорнә јөләм».*	44. «Ты посиди, я в полдень приду».
45. *т´ә* ***мәнә-с*** [уйти-PRAET$_s$.S3].	45. Ушел.
46. *ҡотл јора јоутәс, мән т´иләүләүсә, т´иләүләүсә, лөү әнтимәки.*	46. Наступил полдень, я ждал, ждал его, а его все нет.
47. *т´уты* ***номәусыл-л-әм*** [думать-PRAES-S1]: *«төүапә әпым јәҥкә ҡәлас, лөу-әнтә пә тәуынә јоуән т´әḷәүәки».*	47. Так раздумываю: «Видимо, отец утонул (досл.: в воду пропал), ведь в некоторых местах речка полая».

48. *ёмäли вəсəм, мёүёли* ***тэҥəмтə-м*** [понимать-PRAET$_{\emptyset}$-S1], *лёү мəнмäл ḷёк сəүы* ***мəн-с-äм*** [уйти-PRAET$_{s}$-S1].	48. Маленький был, что (я) понимал, — пошел по дороге, по которой он ушел.
49. *ӄул вэлтäл тəүыја вäн тəүы* ***ӄыт´ə-с*** [остаться-PRAET$_{s}$.S3].	49. До того места, где он рыбу ловил, осталось недалеко.
50. *ḷымəл вəлəм пырнə, мäнä илтäҥä* ***јё-вäл*** [идти-PRAES.S3] *пäни т´у кöл* ***ат-вəл*** [сказать-PRAES.S3]:	50. Спустя немного [времени] мне навстречу [отец] идет и так говорит:
51. *«мä јäҥка ӄət´ ӄəласəм».*	51. «Я чуть не утонул».
52. *вулым, äјнäм морəүəм.*	52. Вижу, (он) весь мокрый
53. *пəткäүлäмин ӄылсəмəна* ***јё-с-мəн*** [прийти-PRAET$_{s}$-S1DU] *пäни тёүä* ***вэр-мəн*** [сделать-PRAET$_{\emptyset}$-S1DU].	53. Торопясь, в шалаш пришли и огонь развели.
54. *əпым* ***ӄоҥүəмəлтəүлə-с*** [обогреться-PRAET$_{s}$.S3] *пäни отл* ***пäнäлтä-с*** [подсушить-PRAET$_{s}$.S3].	54. Отец обогрелся и одежду подсушил.
55. *итн əпым т´у кöл* ***ат-вəл*** [сказать-PRAES.S3]:	55. Вечером отец так говорит:
56. *«т´ä, вэлä, ниүпä выүэлləмəн».*	56. «Ну, сынок, вниз (по реке) спустимся».
57. *пыр ӄотл јоүпа* ***мəн-сä-мəн*** [уйти-PRAET$_{s}$-S1DU].	57. На следующий день домой ушли (мы).

Другие персональные нарративы, записанные в Лабаз-Ёгане, подтверждают это распределение различных глагольных форм для структурирования нарратива. Так, в (11) приводится интродуктивный фрагмент еще одного персонального нарратива. Он показывает, что претерит с показателем *-yäl* может выделять достаточно значительный интродуктивный фрагмент, в котором излагается предыстория:

претериты с показателем -*yäl* употребляются на протяжении первых девяти предложений, и секвентная форма — претерит с показателем -*s* — появляется только в десятом предложении:

(11) Интродукция в персональном нарративе, Лабаз-Ёган

1. *т´и ал ил пэḷәкнә мәӈ әсä-jәүсä оүтәӈ уры нум пэḷәк урынә* ***вэл-үал-өү*** [жить-PRAET$_{yäl}$-S1PL].	1. Перед нынешним (досл.: этим) годом мы с матерью и отцом в верхнем урии[7] Охтеурии жили.
2. *урыjа утә мәӈ паттә jөлнә* ***күл-үäл-öү*** [подняться-PRAET$_{yäl}$-S1PL] *пäни әпым әӈкимнäти пöүәр ӄат* ***вэр-үäл-үäн*** [сделать-PRAET$_{yäl}$-S3DU].	2. В урий мы осенью поднялись, и отец с матерью бревенчатый дом построили.
3. *мәӈ н´әлә ӄәсы то* ***вэл-үал-өү*** [жить-PRAET$_{yäl}$-S1PL]: *әпым, әӈким әт´ым пäни мä.*	3. Мы четыре человека там жили: мать, отец, старший брат и я.
4. *а лəӈ тәүынә паттә jөлнә jämä* ***вэл-үал-өү*** [жить-PRAET$_{yäl}$-S1PL]: *наүәр тäттәү* ***вэр-үäл-öү*** [сделать-PRAET$_{yäl}$-S1PL], *ӄул тäтәү* ***вэр-үäл-öү*** [сделать-PRAET$_{yäl}$-S1PL].	4. Вначале с осени хорошо жили: шишки заготовляли, рыбу запасали.
5. *тäлäккä jämäүä, әпым пäлäнä лäӈкиjä* ***jäлäкäтä-үäл*** [ходить.INCH-PRAET$_{yäl}$.S3].	5. Когда наступила зима, отец начал белковать.
6. *мәӈ кä jäм äм* ***тәjа-үал-өү*** [иметь-PRAET$_{yäl}$-S1PL]: *ӄәӈчыни пäни сиӈкäли.*	6. Мы две хороших собаки имели: Каншани и Синкали.
7. *мәӈ әӈкимäнäти ула* ***jäлил-л-öү*** [ходить-PRAES-S1PL].	7. Мы с матерью за ягодами ходили.
8. *тäлä jор моḷә jämä вэл-****үал****-өү* [жить-PRAET$_{yäl}$-S1PL].	8. До середины зимы хорошо жили.

[7] Урий — старица. Слово также используется в названиях населенных пунктов.

9. *тӓлӓ jор пырнӓ лӓӈки ӈыт'лӓγ* ***jӓγӓкӓтӓ-γӓл*** [уменьшиться. INCH-PRAET$_{γäl}$.S3] *пӓни ӓпым пӓлӓнӓ мӓрӓм ӓj-кӓ лӓӈки jоγ ту-вӓл* [принести-PRAES.S3].	9. С середины зимы белки мало стало, и отец иногда только одну-две белки домой принесет.
10. *тӓтӓγ вэрӓм литотлөγ-пӓ* ***ӈолаӈӓтӓ-с-ӓт*** [кончиться. INCH-PRAET$_{s}$-S3PL].	10. Стала кончаться и еда, которую запасли.

4. Большой Ларьяк

В текстах, записанных в Большом Ларьяке, глагольные формы употребляются несколько иначе. Начнем с фольклорного нарратива, идентичного тому, что представлен в (8). В (12) приведена эта же небольшая сказка про пучок травы и ягодку. В этом тексте, записанном в Большом Ларьяке, интродуктивный фрагмент никак не отделяется от основной части нарратива: и там и там используется форма претерита с нулевым показателем:

(12) Фольклорный текст «Пучок травы и ягодка», Большой Ларьяк

1. *улсӓм пӓни памӓ сӧγ*	1. Ягодка и пучок травы
2. *улсӓм пӓни памӓ сӧγ ӓjӈа* ***вӓлγӓн*** [жить-PRAET$_{\emptyset}$-S3DU].	2. Ягодка и пучок травы жили вместе.
3. *ӓjлӓнӓ* ***ӓлынтӓ-γӓн*** [лечь.спать-PRAET$_{\emptyset}$-S3DU].	3. Однажды легли спать.
4. *ӓлӓӈ нуӈ* ***кӱл-γӓн*** [встать-PRAET$_{\emptyset}$-S3DU], *улсӓм памӓ сӧγӓ т'у кӧл ат-вӓл* [сказать-PRAES.S3]:	4. Утром встали, ягодка так говорит пучку травы:
5. *«нӧӈ, т'ӓт, памӓ сӧγ тӧγӓ вӓрӓ!»*	5. «Ты, пучок травы, разведи-ка огонь!»
6. *памӓ сӧγ т'ӓт тӧγӓ* ***вэрӓкӓтӓγӓн*** [делать.INCH-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	6. И пучок травы стал разводить огонь.

7. *тӧүәсәм* ***вәт'әмт-әүән*** [зажечься-PRAET$_{\emptyset}$.S3], *пәни памә сӧү* ***вәт'әмт-әүән*** [зажечься-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	7. Огонек вспыхнул, вспыхнул и пучок травы.
8. *улсәм ок қат пәтәнә ḷысқәмын* ***ваққынт-ауән*** [кататься-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	8. А ягодка стала от смеху по полу кататься.
9. *т'уқоуа* ***ḷысқ-ауән*** [смеяться-PRAET$_{\emptyset}$.S3], *әјлӓнә* ***пуӈн-ауән*** [лопнуть-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	9. До того смеялась, что наконец лопнула.
10. *қутәнән тӧүәнә нуӈ* ***лиӈ-и*** [сгореть.PRAET$_{\emptyset}$-S3.PASS].	10. Дом их сгорел в огне.

Существенно, что по этой же модели используются глагольные формы не только в этом небольшом фольклорном нарративе, но и в более развернутых фольклорных текстах, записанных в Большом Ларьяке, см., например, тексты 10–13 в [Терешкин 1961: 11–118]. Однако в личных нарративах используется другая глагольная форма, ср. (13), где нарратив выдержан с использованием претеритов с показателем -*үәл*:

(13) Персональный нарратив, Большой Ларьяк

1. *әḷлә сарт*	1. Большая щука
2. *әјлӓнә мӓ ӧкӧм вәлмамнә кәскӓн тӓлилтә* ***мӓн-үӓл-әм*** [уйти-PRAET$_{\text{үәл}}$-S1] *пӓни әḷлә сарт* ***вәл-үӓл-әм*** [добыть-PRAET$_{\text{үәл}}$-S1].	2. Однажды, когда я был маленький, поехал я блесну закидывать (досл.: таскать) и добыл большую щуку.
3. *т'у сарнә мӓн қат'ыл* ***қәмḷаутә-уал*** [перевернуть-PRAET$_{\text{үәл}}$.S3].	3. Эта щука меня чуть не перевернула.
4. *т'у пырнә мӓннӓ јоӈ тумы тәӈынә әјнӓм јаӈ* ***н'әḷәқал-т*** [обрадоваться-PRAET$_{\emptyset}$-S3PL].	4. После, когда я ее привез домой, все обрадовались.

5. *мäн* ***пырə-вəл-т*** [спросить-PRAES-S3PL]:	5. Меня спрашивают:
6. *«мöүə сəүыт нöңəн нуу вəүəли?»*	6. «Как тебе удалось ее вытащить?»
7. *мä лəүä т'у кöл ат-л-əм* [сказать-PRAES-S1]:	7. Я им так отвечаю:
8. *«мäннə пэчкäннä үүəлтоқə јöүəүəси».*	8. «Я в голову ей из ружья выстрелил».
9. *т'у сарт мəңəн киппä* ***кöүəртил-үəл-и*** [варить-PRAET$_{үəl}$-S3.PASS].	9. Эту щуку мы два раза варили.

Таким образом, в текстах, записанных в Большом Ларьяке, при помощи различных глагольных форм не противопоставляются фрагменты с различной дискурсивной функцией, но противопоставляются тексты разных жанров: персональный и фольклорный нарратив. Эта ситуация обратна тому, что мы наблюдали применительно к текстам, записанным в Лабаз-Ёгане.

5. Корлики

Нам осталось рассмотреть тексты, записанные в Корликах. Начнем с фольклорного нарратива. В (14) ниже приводится начальный фрагмент сказки из архивных материалов Н. И. Терешкина (Института лингвистических исследований РАН), по сюжету близкой той, что представлена в примере (9). В этом тексте глагольные формы используются следующим образом:

— в первых двух предложениях текста (в первом представлены герои данного нарратива, во втором в повествование вводится важный для развития объект, сделанный протагонистом, — рыболовный запор) используются презентные формы;
— в продолжении обширного интродуктивного фрагмента, где излагается предыстория, состоящая в поимке братом большой

щуки (отмечу, что границы интродуктивного фрагмента, маркированные сменой глагольных форм, совпадают в текстах (9) и (14)), глаголы имеют форму претерита с нулевым показателем;

— в секвентной функции выступает претерит с показателем *-s*, иногда чередующийся с претеритом с показателем *-γas*.

(14) Фольклорный нарратив, Корлики

1. *пӱт´кӓл´икӓн ӓн´әсӓхӓн т´уӈа* ***вӓл-лӓ-хӓн*** [жить-PRAES-S3DU].	1. Птичка с сестрой долго живет.
2. *ӓйл´ӓнӓ пӱт´кӓл´и вӓр вэртӓ* ***мӓн-вӓл´*** [уйти-PRAES.S3].	2. Однажды птичка запор рыболовный устанавливать пошел.
3. *вӓр* ***вэр-ихӓн*** [сделать-PRAET$_{\emptyset}$.S3] *пӓни йоӈ* ***йӱ-хӓн*** [прийти-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	3. Запор установил и домой вернулся.
4. *ӓн´ӓл лӓӱхӓ т´у кӧл* ***ат-вӓл*** [сказать-PRAES.S3]:	4. Сестра ему так говорит:
5. — *вӓрпӓ йӓл´ӓ.*	5. — К запору сходи.
6. *пӱт´кӓл´и* ***мӓн-ихӓн*** [уйти-PRAET$_{\emptyset}$.S3] *вӓрпӓ, ӓл´л´ӓ сарт* ***лут´ӓ-хӓн*** [добыть-PRAET$_{\emptyset}$.S3] *пӓни пӱт´кӓл´и* ***номӓхсӓл-вӓл*** [думать-PRAES.S3], — *мухи сӓхӓт сарт йохпа тулӓм?*	6. Птичка пошел к запору, большую щуку добыл и думает, — каким образом щуку домой отнесу?
7. *пӱт´кӓл´и т´у ӈӧл´* ***толӓх-вӓл*** [сказать-PRAES.S3]:	7. Птичка так говорит:
8. — *йохпа мӓнлӓм л´ихрӓти.*	8. — Пойду домой за нартой.
9. *йоӈ йӱмӓл´ӓти, ӓн´ӓл´а т´у кӧл´* ***толӓх-вӓл*** [сказать-PRAES.S3]:	9. Когда пришел домой, сестре так говорит:
10. *тӓ вӓрнӓ ӓл´л´ӓ сарт в´ӓл´хӓсӓм пани л´ихрӓти йӱхасӓм йохпа.*	10. — В запоре большую щуку добыл и за нарточкой пришел домой.

11. *пӱт´кӓл´и л´ихӓр* ***вӓ-хӓс*** [взять-PRAET$_{yäs}$.S3] *пӓни л´ихринӓти* ***мӓн-хӓс*** [уйти-PRAET$_{yäs}$.S3]вӓрпӓ.	11. Птичка нарточку взял и с нарточкой пошел к запору.
12. *тоӑ* ***йӱ-хӓс*** [прийти-PRAET$_{yäs}$.S3], *сарт л´ихра* ***пӓн-хӓс*** [положить-PRAET$_{yäs}$.S3] *пӓни йохпа* ***ту-хас*** [отвезти-PRAET$_{yäs}$.S3].	12. Туда пришел, щуку в нарточку положил и домой отвез.
13. *пӱт´кӓл´и т´у кӧл´* ***толӓх-вӓл*** [сказать-PRAES.S3]:	13. Птичка так говорит:
14. *ӓн´ӓ, сарт сӱԉи пӓни мухлӓх мӓнӓти пӓнӓ, мӓ ӓлӓнтӓлӓм, нуԥ кӱл´тӓмнӓ л´итӓмӓти.*	14. — Сестра, щуку распотроши и максу мне отложи, я лягу спать, когда встану, было бы что есть.
15. *пӱт´кӓл´и* ***ӓлӓнтӓ-с*** [лечь-PRAET$_{s}$.S3] *ӓн´ӓл´нӓ ԥул тоӑхӓ* ***ўовӓлтӓ-с-тӓ*** [распороть-PRAET$_{s}$-O3] *пӓни* ***тӓр-сӓ-тӓ*** [пожарить-PRAET$_{s}$-O3].	15. Птичка лег, сестра его рыбу распотрошила на куски и изжарила.
16. *ӓн´ӓл´нӓ ԥул тӓрӓмӓт, пӱт´кӓл´и нуԥ* ***вӓрӓктӓ-с-ӓ*** [разбудить-PRAET$_{s}$-S3.PASS]. *пӱт´кӓл´и нуԥ* ***кӱл´ӓ-с*** [встать-PRAET$_{s}$.S3] *пӓни ӓн´ӓл´нӓ л´ӱхӓ, мӓттӓ, л´иха.*	16. Когда сестра поджарила рыбу, птичку разбудили. Птичка встал, и сестра ему, мол, ешь.
17. *пӱт´кӓл´и* ***л´и-с*** [поесть-PRAET$_{s}$.S3] *пӓни ӓн´ӓл´ӓ* ***толӓх-вӓл*** [сказать-PRAES.S3], *мӓттӓ йохлам пӓни пӱхам ԥоӑтӓԥӓ.*	17. Птичка поел и сестре говорит, мол, где мои лук и стрелы?
18. *ӓн´ӓл´ л´ӱхӓ т´у кӧл* ***ат-вӓл*** [сказать-PRAES.S3]:	18. Сестра ему говорит:
19. — *пӱхӓн пӓни йохлан ӓԥкӓл´ охтӓнӓԥӓ.*	19. — Стрелы и луки твои на пне.
20. *пӱт´кӓл´инӓ* ***вӓ-с-тӓ*** [взять-PRAET$_{s}$-O3] *йохӓл пани пӱх пӓни мӓнхӓс вайха.*	20. Птичка взял лук и стрелы и пошел на охоту.

В [Терешкин 1961] представлены еще два фольклорных нарратива, записанных в Корликах. Они, однако, относятся к другому жанру, к жанру исторических преданий. И в этих нарративах используется другая нарративная стратегия. А именно, большинство глагольных форм в таких нарративах, использующихся в секвентной функции, — претериты с нулевым показателем:

(15) Историческое предание, Корлики

1. *ӓj ики пӓни кӓ ниӈкӓн*	1. Один старик и две женщины
2. *ӓj ики пӓни кӓ ниӈкӓн т'уӄа* ***вӓл-вӓл-т*** [жить-PRAES-S3PL].	2. Один старик и две женщины живут.
3. *ӓjлӓнӓ итӓн амӓстылоγ ӓмп* ***т'ӓ̣лӓм-ӓγӓн*** [залаять-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	3. Однажды вечером, когда они сидели, собака залаяла.
4. *ики ӓj ниӈӓ т'уты* ***jӓγ-иγӓн*** [сказать-PRAET$_{\emptyset}$.S3]:	4. Старик одной женщине говорит:
5. *«лӓγӓтӓju, ӄojы jӧс?»*	5. «Посмотри: кто пришел?»
6. *т'у нинӓ* ***лӧγӓтӓj-и*** [уйти. PRAET$_{\emptyset}$-S3.PASS]: *jӧсӓт пӓ мӓγ jaγ.*	6. Женщина посмотрела: пришли чужеземцы.
7. *лӓγ т'уты jӧсӓт, т'и ӓj ики пӓни ниӈкӓн нэмӓӈкӓ ыл вэлтӓти.*	7. Они затем пришли, чтобы этого старика и двух женщин убить.
8. *т'улӓнӓ ики т'уты* ***jӓγ-иγӓн*** [сказать-PRAET$_{\emptyset}$.S3]:	8. Тогда старик так говорит:
9. *«ӄутӓн тэлӓл памылты!» — ос тӧм ниӈӓ т'уты* ***jӓγ-иγӓн*** [сказать-PRAET$_{\emptyset}$.S3]: *«пут вӓрӓ!».*	9. «Наполни избу сеном!» — а другой женщине так говорит: «Приготовь поесть (досл.: котел сделай)!
10. *мӓтлӓнӓ пут вэрвӓн пӓни ӄутӓн тэлӓл памыллын, т'улӓтнӓ кӱм лӱγитӓн.*	10. Когда приготовите поесть и избу наполните сеном, тогда выйдите на улицу.
11. *ӓj ниӈӓн оγты лӓγӓлвӓл, ӓj ниӈӓн оӈнаты ӄат ӄона нуγ ӄаӈвӓл».*	11. Одна из женщин дверь будет сторожить, другая женщина со свечой на чердак залезет».

12. *т'у пырнə ики jёмə jаγа т'уты* ***jəγ-иγən*** [сказать-PRAET$_{\emptyset}$.S3]:	12. После этого старик пришедшим людям так говорит:
13. *«jоγ лəңытəγ литинä!»*	13. «Войдите в избу поесть!»
14. *том jаγ jоγ* ***ləңа-с-ət*** [войти-PRAET$_{s}$-S3PL].	14. Эти люди в избу вошли.
15. *ики қат пəтəнə* ***лал'-вəл*** [стоять-PRAES.S3].	15. Старик посреди пола стоит.
16. *лəγ литə ымəлмыла ики* ***нёрəγт-иγən*** [побежать-PRAET$_{\emptyset}$.S3] *кӱмпä пäни* ***т'əḷləγт-иγən*** [закричать-PRAET$_{\emptyset}$.S3]:	16. Когда они сели есть, старик побежал на улицу и закричал:
17. *«оγпы jоγ нəγрäγти, уңқən вət'имəлти пäни ыл рəкəти!»*	17. «Дверь припри, зажги свечу и на пол бросай!»
18. *қат* ***вət'əγл-иγən*** [загореться-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	18. Дом загорелся.
19. *қат тёγənə лимə пырнə икинə* ***лёγətəj-и*** [сказать.PRAET$_{\emptyset}$-S3.PASS], *т'у қат тёγənə литёγ, т'у пä мəγ jаγ кётвäллäл моḷə мəγ уjа қыḷəнтəвəқтət.*	19. Когда дом сгорел, старик рассмотрел, что пока дом горел, эти люди до пояса в землю углубились.
20. *т'у пырнə икинə пäни ниңқəннə пä мəγ jаγ* ***вэл-и-т*** [взять.PRAET$_{\emptyset}$-PASS-S3PL] *вəjлäл пäни лəγ қутətəлпа* ***мən-т*** [уйти.PRAET$_{\emptyset}$-S3PL].	20. После этого старик и две женщины взяли оленей этих людей и в их юрты поехали.
21. *мəтлänə қат* ***кəтл-иγən*** [показаться-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	21. Вот показались юрты.
22. *пä мəγ jаγ моқалит кёмən* ***рёγ-вəл-т*** [прыгать-PRAES-S3PL] *пäни т'уты* ***jыγə-т*** [сказать.PRAET$_{\emptyset}$-S3PL]:	22. Детишки на улице прыгают и так говорят:
23. *«əпылёγnə т'и қəнтəγ jаγ ыл вəлсät!»*	23. «Наши отцы этих ханты перебили!»

24. *т'улӓнӓ ики* ***т'ӓḷӓгут-иүӓн*** [закричать-PRAET$_{\emptyset}$.S3]:	24. Тогда старик закричал:
25. *«том тӓрн луӈқ вӓтӓ моқӓт!»*	25. «Вот дети, с которых можно взыскать бранную месть!»
26. *т'у пырнӓ ики қата јоқ* ***лоӈ-ыүӓн*** [войти-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	26. После этого старик в избу вошел.
27. *ӓј сэмлӓү пырӓс ики јоқӓн* ***амӓс-вӓл*** [сидеть-PRAES.S3].	27. Один слепой старик в избе сидит.
28. *қӓнтӓү ики* ***вӓј-иүӓн*** [взять-PRAET$_{\emptyset}$.S3] *лӓјӓм пӓни том пырӓс ики* ***лӧ-үӓн*** [ударить-PRAET$_{\emptyset}$.S3] *лӓјӓмнӓ үүӓлтоқӓ јоүымты.*	28. Старик ханты взял топор и того старый старик (? старого старика) по голове ударил.
29. *т'у пырнӓ қат силӓ* ***вэр-т*** [сделать.PRAET$_{\emptyset}$-S3PL] *пӓни төт* ***вӓлӓқӓт-ӓт*** [жить.INCH.PRAET$_{\emptyset}$-S3PL].	29. После этого они (ханты) в стороне соорудили юрты и стали там жить.
30. *пӓққӓл јоү јӧмин лӓнӓ, қат кӧч киситӓн, қат ӓјнӓм тӧүӓнӓ нүү лиүи.*	30. Когда парни (ханты) вернулись домой, искали, искали свой дом — дом весь сгорел.
31. *т'улӓнӓ пӓққӓн қоү ӓнтӓ номӓсылауӓн, пӧү* ***вэр-сӓ-үӓн*** [сделать-PRAET$_{s}$-S3DU] *пӓни* ***мӓн-с-ӓүӓн*** [уйти-PRAET$_{s}$-S3DU] *т'у јаү вӓлтӓ мӧүӓлпӓ.*	31. Тогда парни, долго не думая, стрел наделали и пошли туда, где жили те люди.
32. *ӓт'ысауӓн т'у қата јөүӓн төү* ***јӓк-кӓн*** [прийти.PRAET$_{\emptyset}$-S3DU].	32. Братья в эти юрты ночью пришли.
33. *төүы јӧминӓ, төүала* ***вӓӈкӓкӓтӓ-үӓн*** [ползти.INCH.PRAET$_{\emptyset}$-S3DU].	33. Дойдя туда, стали ползти.
34. *ӓјлӓнӓ ӓмп* ***т'ӓḷӓм-иүӓн*** [залаять-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	34. Вдруг (досл.: однажды) собака залаяла.
35. *лин қолләнтылӓүӓн: лӓүтил импӓтл сӧј.*	35. Они прислушиваются: лает их собака.

36. *лин ос* ***вäӈкäкäтä-үän*** [ползти.INCH.PRAET$_{\emptyset}$-S3DU], *ос äмп* ***т'äԓäм-иүän*** [залаять-PRAET$_{\emptyset}$.S3].	36. Они снова поползли, собака снова залаяла.
37. *линнä қоläнлы: äссä лäү импäтл сёј.*	37. Они слышат: лает их собака.
38. *т'улäнä ики қатнä т'утä* ***јäү-иүän т'äԓäм-иүän*** [сказать-PRAET$_{\emptyset}$.S3]:	38. Тот старик в избе так говорит:
39. *«чäкä äл јёвитäү, мä äј қу тäјaläм, лёүän мäнт қурн'äүтäвäл».*	39. «Очень-то смело не подходите, у меня есть товарищ, он меня сторожит».
40. *ики тыүтäм лäнä қыјыүän нуқ* ***лул'-үän*** [подняться.PRAET$_{\emptyset}$-S3DU] *ԓысäүмын.*	40. Когда старик [это] проговорил, парни поднялись, смеясь.

И, наконец, рассмотрим персональный нарратив, записанный Н. И. Терешкиным в Корликах, см. (15). В этом тексте все глагольные формы — претериты с показателем *-үäl*:

(16) Персональный нарратив, Корлики:

7. *äј äläӈ мин äссäүän* ***мäн-үäл-мäн*** [уйти-PRAET$_{\text{үäl}}$-S1DU] *улаты.*	7. Раз утром мы с матерью пошли по ягоды.
8. *мин ԓёкин јаума* ***јөүä-үал-мän*** [дойти-PRAET$_{\text{үäl}}$-S1DU], *пäни* ***ԓäвт'äм-үал*** [пойти.дождю-PRAET$_{\text{үäl}}$.S3].	8. Едва мы до бора дошли, пошел дождь.
9. *мин лыүäл қутла* ***лул'äмтä-үал-мän*** [встать-PRAET$_{\text{үäl}}$-S1DU].	9. Мы под кедр стали.
10. *төт ос көјӈи чäкä äрки* ***вäл-үал*** [жить-PRAET$_{\text{үäl}}$.S3].	10. А там комаров очень много было.
11. *ԓäвät'лёүмäти, кэläӈки мäү* элнäӈ *чäкä* ***пит-кäл*** [стать-PRAET$_{\text{үäl}}$.S3], *пäни мин јоупа* ***мäн-үäл-мäн*** [уйти-PRAET$_{\text{үäl}}$-S1DU].	11. Когда дождь прошел, на земле очень мокро стало, и мы домой пошли.

Таким образом, оказывается, что в текстах на ваховском диалекте, записанных в Корликах, глагольные формы противопоставляют не два, а три нарративных жанра: историческое предание, сказку и персональный нарратив. Такое троичное противопоставление маркируется также в самом северном, среднетазовском диалекте селькупского и в нганасанском, см. [Урманчиева 2018, 2019]. Примечательно, что именно тексты из Корликов представляют ту часть ваховского диалектного ареала, которая ближе всего расположена к территориям, освоенным северными селькупами (пути миграций селькупов на север пролегали в том числе и через бассейн Ваха).

6. Выводы

Если обобщить данные о нарративных стратегиях в говорах ваховского диалекта, получается следующая картина:

— в говоре Лабаз-Ёгана глагольные формы обслуживают прежде всего структурирование нарратива, четко выделяя интродуктивный фрагмент, и в меньшей степени — для противопоставления текстов разных жанров (и персональный нарратив, и сказка могут быть рассказаны с использованием одних и тех же темпоральных форм);
— в говоре Большого Ларьяка, напротив, глагольные формы не служат противопоставлению интродуктивного фрагмента и основной части повествования, но четко противопоставляют тексты различных жанров: сказку и персональный нарратив;
— в говоре Корликов глагольные формы противопоставляют тексты трех жанров: сказку, историческое предание и персональный нарратив (схожая система представлена в среднетазовском говоре северного диалекта селькупского языка и в нганасанском языке); противопоставление интродуктивного фрагмента и основной части нарратива при помощи различных глагольных форм обнаружено только в сказке.

Таблица 2. Дискурсивные функции претеритальных форм в говорах ваховского диалекта

Table 2. Discoursive functions of verbal forms in local varieties of Vakh dialect

<table>
<tr><th></th><th colspan="2">Фольклорный нарратив</th><th rowspan="2">Персональный нарратив</th></tr>
<tr><th></th><th>Историческое предание</th><th>Сказка</th></tr>
<tr><td colspan="4">Лабаз-Ёган</td></tr>
<tr><td>Интродуктивная функция</td><td></td><td colspan="2" rowspan="2">-γäl</td></tr>
<tr><td>Секвентная функция</td><td></td><td colspan="2">-s, (-∅)</td></tr>
<tr><td colspan="4">Большой Ларьяк</td></tr>
<tr><td>Интродуктивная функция</td><td></td><td rowspan="2">-∅</td><td rowspan="2">-γäl</td></tr>
<tr><td>Секвентная функция</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="4">Корлики</td></tr>
<tr><td>Интродуктивная функция</td><td colspan="2">-∅</td><td rowspan="2">-γäl</td></tr>
<tr><td>Секвентная функция</td><td></td><td>-s, (-γäs)</td></tr>
</table>

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; Acc — аккузатив; Aor — аорист; App — апроксиматив (падеж); CN — коннегатив; Com — комитатив; Cvb — конверб; DLat — датив-латив; Du — двойственное число; El — элатив; Emph — показатель с эмфатическим значением; Exist — экзистенциальный глагол; Gen — генитив; Inch — инхоатив; Inf — инфинитив; Infer — инферентив; Lat — латив; Loc — локатив; Neg — отрицание; o — объектное спряжение; Pass — пассив, Pl — множественное число; PN — имя собственное; Praes, Prs — настоящее время; Praet, Pst — прошедшее время; Ptcp — причастие; s — субъектное спряжение; Sg — единственное число; Trns — транслатив.

Литература

Гусев и др. (ред.) 2008 — В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008.

Сорокина, Болина 2005 — И. П. Сорокина, Д. С. Болина. Энецкие тексты. СПб.: Наука, 2005.

Терешкин 1961 — Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1: Ваховский диалект. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Урманчиева 2018 — А. Ю. Урманчиева. Сходство нарративных стратегий нганасанского языка и среднетазовского говора селькупского (о возможной корреляции лингвистических и этнографических данных) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 1 (19). С. 59–68.

Урманчиева 2019 — А. Ю. Урманчиева. Нарративные стратегии как свидетельство возможного контакта: тазовский селькупский и нганасанский // Вопросы языкознания. 2019. № 3. С. 84–100.

Honti 1984 — L. Honti. Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Takönyvkiadó, 1984.

Nikolaeva 1995 — I. Nikolaeva. Obdorskiy dialekt chantyyskogo yazyka. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 15). Hamburg: Finnisch-Ugrisches Seminar der Universität Hamburg, 1995.

Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. The semantics of Northern Khanty Evidentials // Journal de la Société Finno-ougrienne. 1999. № 88. P. 131–159.

References

Gusev et al. (eds.) 2008 — V. Yu. Gusev, V. A. Plungian, A. Yu. Urmanchieva (eds.). *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in the Theory of Grammar]. Iss. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse* [Grammatical Categorues in Discourse]. Moscow: Gnozis, 2008.

Honti 1984 — L. Honti. *Chrestomathia Ostiacica*. Budapest: Takönyvkiadó, 1984.

Nikolaeva 1995 — I. Nikolaeva. *Obdorskiy dialekt chantyyskogo yazyka* [Obdorsk dialect of Khanty language]. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, 15). Hamburg: Finnisch-Ugrisches Seminar der Universität Hamburg, 1995.

Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. The semantics of Northern Khanty Evidentials. *Journal de la Société Finno-ougrienne*. 1999. No. 88. P. 131–159.

Sorokina, Bolina 2005 — I. P. Sorokina, D. S. Bolina. *Enetskie teksty* [Enets texts]. St. Petersburg: Nauka, 2005.

Tereshkin 1961 — N. I. Tereshkin. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka* [An outline of Khanty dialects]. Pt. 1: *Vakhovskiy dialekt* [Vakh dialect]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961.

Urmanchieva 2018 — A. Yu. Urmanchieva. Skhodstvo narrativnykh strategiy nganasanskogo yazyka i srednetazovskogo govora selkupskogo (o vozmozhnoy korrelyatsii lingvisticheskikh i etnograficheskikh dannykh) [Similarities between narrative strategies of Nganasan and Middle Taz Selkup: Converging evidence from linguistics and ethnography]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. 2018. No. 1 (19). P. 59–68.

Urmanchieva 2019 — A. Yu. Urmanchieva. Narrativnye strategii kak svidetelstvo vozmozhnogo kontakta: tazovskiy selkupskiy i nganasanskiy [Narrative strategies as an evidence for language contact: Case study of Taz Selkup and Nganasan]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2019. No. 3. P. 84–100.